

ПЬЕР ГАССЕНДИ КАК ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ

© А. В. Дьяков

Дьяков
Александр Владимирович
доктор философских наук
профессор
кафедры философии
Курский государственный
университет
(г. Курск)
e-mail: a_diakoff@mail.ru

В статье предлагается оригинальный взгляд на творчество Пьера Гассенди, рассматриваемого прежде всего как историк философии. Автор реконструирует целостный взгляд классического философа на своё время и на то место, которое он отводит в этом времени философии. Такой подход позволяет пересмотреть роль Гассенди в историко-философском процессе XVII столетия и увидеть в новом свете его отношения с предшественниками и современниками.

Ключевые слова: Пьер Гассенди, Рене Декарт, философия, история философии, рационализм, скептицизм, пирронизм, эпикуреизм, современность.

Пьер Гассенди (1592–1655) стоит особняком среди великих мыслителей своей эпохи. Не стремясь к созданию метода и, напротив, отрицая все и всяческие «методы» — как схоластическую диалектику, так и картезианство, — он предложил, скорее, определённый ракурс взгляда на мир¹. Этот его взгляд основывался прежде всего на ис-

¹ А. Лолордо, впрочем, настаивает на том, что Гассенди всё же пользуется методом, и этот метод — генеалогический, в том отношении, что всякий вопрос он рассматривает, предпринимая критический обзор взглядов философов, с этим вопросом сталкивавшихся. Другими словами, он всегда обозначает историческую локализацию всех философских проблем. При этом, впрочем, американский исследователь подчёркивает, что «Гассенди использует генеалогический метод как строгий антиисторист, что предполагает существование великих трансисторических вопросов» (LoLordo A. Pierre Gassendi and the Birth of Early Modern Philosophy. N.Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 4).

торико-философских штудиях, и в этом отношении Гассенди воскрешал античную традицию философствования. Говоря от лица Эпикура, но явно выражая тем самым собственное убеждение, он рассматривал философию как врачевание души и искусство жизни, а не как универсальный научный метод². Отсюда его почти киническое стремление отбросить спекуляцию и опираться исключительно на здравый смысл.

Гассенди родился в тот год, когда умер Монтень. Ему пришлось штудировать, а затем преподавать аристотелианскую доктрину; потом он покинул университет Экса из-за того, что его захватили иезуиты; а перебравшись в Париж, он подружился с М. Мерсенном и стал встречаться с такими светилами своего времени, как Гоббс, Гроций и (возможно) Паскаль. Гоббс, с которым они подружились, когда тот приехал в Париж, чтобы не видеть ужасов революции у себя на родине, называл Гассенди в числе людей, двинувших вперед астрономию³. Действительно, Гассенди занимался астрономией и математикой, писал против астрологии. Он переписывался с Галилео и Томазо Кампанеллой. Но если занятия математикой и астрономией были довольно обычны для той эпохи, то едва ли можно сказать то же самое об анатомии, которой занимался Гассенди, и о препарировании трупов.

Гассенди писал на латыни, как было принято в то время. Латынь была языком не только учёных, но и всех образованных людей, многие из которых держали дома сочинения на классических языках. Однако Гассенди владел ещё греческим, арабским и еврейским. В первый период своего творчества он тяготел к античному скептицизму и опирался на него в своей критике Аристотеля⁴. Впоследствии его внимание обратилось на Эпикура, которого он хотел бы поставить на место Стагирита, предложив своей эпохе более ясную, стройную и полную философскую систему. Гассенди занимался эпикуровым атомизмом, потому что тот интересовал его и с точки зрения истории философии, и как практикующего физика и астронома. Ведь в своей собственной физике он старался руководствоваться принципами Эпикура. Пирронизм не мог стать для него подспорьем на этом пути, однако отталкивание от антично-

² «Но заниматься философией нам следует не для виду, а серьёзно, ибо нам необходимо не казаться здоровыми, а в действительности ими быть. И заниматься философией следует немедленно, а не откладывать это на завтрашний день, потому что сегодня также важно жить счастливо» (*Гассенди П.* Свод философии Эпикура // Сочинения. В 2 т. М. : Мысль, 1966. С. 303).

³ *Гоббс Т.* Основы философии. Сочинения. В 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 68.

⁴ «Использование пирроновых скептических аргументов значительно увеличило эффективность опровержения Гассенди доктрин из аристотелевых работ по логике, — пишет Линн Сумида Джой. — Скептицизм, с которым он познакомился в бытность свою преподавателем в Эксе, был мощным и гибким оружием, которое можно было с успехом использовать против всех философий. Конечно, скептицизм уже был частью репертуара гуманистов, и поначалу Гассенди мог считать его всего лишь полезным критическим инструментом и удобным способом выразить своё неприятие современных философских догм. Однако его альянс со скептицизмом Секста и Цицерона был недолгим» (*Lynn Sumida Joy.* Gassendi The Atomist. Advocate of History in an Age of Science. N.Y. : Cambridge University Press, 1987. P. 32).

го скептицизма оказалось для Гассенди весьма полезным. В «Своде философии» он уже говорил, что придерживается среднего пути между скептиками и догматиками. Впрочем, скептицизм считался в те времена ещё не самым большим злом и при небольшой маскировке вполне мог сойти с рук. Куда опаснее был эпикуреизм. Ведь Гассенди не только выступил против Аристотеля, на которого опиралась схоластика, он ещё противопоставил этому признаваемому церковными авторитетами автору безбожника Эпикура, которого Данте поместил в шестой круг ада:

Здесь кладбище для веривших когда-то,
Как Эпикур и все, кто вместе с ним,
Что души с плотью
Гибнут без возврата⁵.

Неудивительно, что эпикуреизм Гассенди вызвал довольно жёсткую ответную реакцию. Так, Ж.-Б. Морен, работавший вместе с Гассенди в Королевском колледже, выпустил в 1650 г. «Диссертацию об атомах и пустоте против эпикурейской философии Пьера Гассенди». Бернье и Нейре, разделявшие взгляды Гассенди, в ответ выпустили два памфлета — «Анатомию смехотворной мыши» и «Прах смехотворной мыши». Им удалось так разозлить Морена, что тот в 1653 г. обратился к кардиналу Мазарини с просьбой отправить обоих шутников на костёр. Впрочем, Мазарини на это прошение никак не отреагировал.

Гассенди не был первым, кто выступил с прямой критикой аристотелизма. Итальянец Франческо Патрици (1529—1597) в 1581 г. опубликовал труд в четырёх книгах, направленный против Аристотеля и его последователей. А в 1621 г. С. Бассон издал в Женеве свою «Философию природы против Аристотеля». Гассенди во многом повторил схему работы Патрици, и его сочинение приобрело большую известность.

Гассенди довольно резко отрицал схоластическую философию и прямо утверждал, что «нет ничего более бесплодного, чем пресловутые принципы и элементы аристотеликов»⁶. Он даже написал очень смелую для своего времени работу под заглавием «Парадоксальные упражнения против аристотеликов, в которых потрясаются основы перипатетического учения и диалектики в целом и утверждаются либо новые взгляды, либо, казалось бы, устаревшие взгляды древних мыслителей». Он считал перипатетическую философию суетной и ничего не дающей для достижения того блаженства, которое должна принести подлинная философия. Ирония судьбы заключалась в том, что, будучи профессором в академии Экса, Гассенди был вынужден читать лекции по аристотелевской философии. «В виде приложения», как выражался он сам, он излагал взгляды, опровергающие аристотелизм. А своими предшественниками и учителями в деле ниспровержения аристотелизма он называл Рамуса и Пико делла Мирандолу.

Возражения Гассенди относятся не столько к самому Аристотелю (которого он, впрочем, тоже не жалует, считая его тёмным и путаным философом),

⁵ Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. С. 47.

⁶ Гассенди П. Письмо по поводу книги лорда Эдуарда Герберта, англичанина, «Об истине» // Сочинения. Т. 1. С. 104.

сколько к аристотеликам-схоластам. Главной же бедой этих последних он считает неправомерный перенос теологических вопросов в область философии. «Кое-кто, пожалуй, с недоумением спросит: да осталось ли ещё в этой нашей философии хоть что-нибудь философское, раз современные философы, пренебрегая философскими вопросами, вводят в неё столько ей чуждых вещей?»⁷ Ведь если в области религиозных установлений следует подчинять разум вере, то в сфере философии подчинять свой ум авторитету кого бы то ни было, пусть это даже сам Аристотель, совершенно недопустимо. Это полная противоположность философии, которая «обещает свободу, из которой возникает величайшее спокойствие духа, а потому и величайшее блаженство»⁸.

Приверженцы Аристотеля считают, что этот мудрец уже познал всё, что может быть познано, а потому не допускают возможности открытия чего-либо нового и лучшего. Древние кажутся им гигантами, а современные люди — карликами. А между тем, «если бы мы так же усердно трудились, как древние, мы поднялись бы значительно выше их и при их помощи выросли бы в конце концов когда-нибудь в некую гигантскую силу»⁹.

Сам Аристотель, говорит Гассенди, в своих сочинениях допустил множество ошибок, а также лживых и нечестивых суждений. Его диалектика (диалектика вообще!) ни на что не годится. Отбросив «диалектический хлам», Гассенди предлагает собственное видение исследовательского инструментария:

«...И если сказать, что я думаю, то я считаю инструментом для знания, во-первых, природную одарённость ума. И напрасно стал бы стремиться к знанию тот, кому не хватает изобретательного ума, зрелого суждения и надёжной памяти. Во-вторых, я считаю им добрую волю, которая, бесспорно, делает человека неутомимым в труде, побеждает трудности и которая, насколько позволяет человеческая природа, движется вперёд, не отступая. Если же этого нет в должной мере, то напрасно бы обнаруживались все самые великолепные дарования ума. В-третьих, это достаточно здоровое тело, ибо если его будут терзать различные болезни и страдания, то всё остальное принесёт мало пользы. В-четвёртых, обилие внешних благ, чтобы насколько возможно не нуждаться в пище, одежде и прочем, чтобы не нужно было на приобретение всего этого тратить время и труд, которые могли бы быть посвящены занятиям: ведь хотя некоторые, как Клеант, отличались в приобретении и того и другого, никто, однако, не стал бы отрицать, что, занимаясь только наукой, они прославились бы ещё более; ведь известно, с каким трудом выбиваются те, у кого мало денег. В-пятых, надёжный и образованный наставник. Хотя некоторые самоучки и прославились, тем не менее известно, насколько более коротким путём можно прийти туда, куда ты не знаешь пути, если тебя ведёт проводник. В-шестых, необходимы собственные орудия каждой науки, не говоря уж о книгах, пользу которых все видят, так как они — как бы немые наставники... Таким образом, я считаю инструмен-

⁷ Гассенди П. Парадоксальные упражнения против аристотеликов // Сочинения. Т. 2. С. 34–35.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Там же. С. 60.

тами для приобретения знаний вещи полезные и необходимые, а не эти вздорные выдумки и бред диалектиков»¹⁰.

Гассенди открыто становится на сторону номиналистов, отрицая существование универсалий в реальности и повсюду находя лишь единичное. Он отвергает всякий спиритуализм, склоняясь скорее к сенсуализму. «...В интеллекте нет ничего, чего бы раньше не было в чувстве»¹¹, — для него это было несомненно. Как и то, что человеческий разум способен понять лишь то, что заимствовано у «внешнего чувства». «Ум размышляет лишь на основании того, что выявляется с помощью чувств»¹².

Философия для Гассенди — страна, расширению границ которой всякий философ должен всемерно содействовать. Аристотелики же, говорит он, добровольно сужают свои владения, ограничивая их десятью категориями. Он считает, что аристотелизм не годится даже для теологии, куда он проник вопреки желанию Отцов Церкви. Ведь, хотя диалектику и считают надёжнейшей защитой от еретиков, её почему-то редко используют против турок, да и незаметно, чтобы с её помощью удалось обратить в христианскую веру многих из них. Знание Священного Писания и здравый смысл в этом отношении куда действеннее.

Здравый смысл в глазах Гассенди вообще является средством от глупостей и от всяческой зауми, которой нередко грешит философия. Ведь философия, кстати же, и вовсе не в состоянии постичь истину, за которой она непрестанно гоняется и поиск которой называет своей первейшей задачей:

Удивительно то, что с тех пор, как люди занимаются философией и исследуют истину и даже природу вещей, не нашёлся не то чтобы один человек, но хотя бы народ или философская школа, которые отыскали бы истину и раскрыли её. Из среды смертных вышло великое множество *мудрецов*, прозванных затем *философами*, но разве они, каждый в отдельности или все вместе, продвинули дело вперёд? Они всегда подразделялись на столь различные школы, что и по сей день от них не осталось ничего, кроме споров¹³.

И это касается не только перипатетической, но и всякой другой философии. «...Вся вообще философия не узнала ещё ничего истинного о естественных вещах»¹⁴. Таким образом, Гассенди открыто принимает сторону пирронистов. В признании же невежества философов он не видит ничего постыдного, ибо то, что может быть познано, они всё-таки познают. «Без преувеличения поэтому можно назвать их невежество учёнейшим, ибо немалое достоинство состоит в том, чтобы признать невежеством то, что другие почитают знанием, и открыто признавать, что ты не знаешь того, чего действительно не знаешь»¹⁵.

Когда Мерсенн предложил Гассенди записать свои замечания на ещё не изданный текст Декарта, тот сделал это весьма добросовестно, выказав при

¹⁰ Там же. С. 212—213.

¹¹ Там же. С. 309.

¹² Там же. С. 370.

¹³ Там же. С. 375.

¹⁴ Там же. С. 378.

¹⁵ Там же. С. 388.

этом своё неприятие картезианского спиритуализма. Душа не может существовать без тела, утверждал он, а ум неотделим от мозга. Человеческое я не есть что-то отдельное от материального тела. «Ибо скажи на милость: каким образом ты себе представляешь, что ты — непротяжённый субъект — можешь воспринять образ, или идею, тела, имеющего протяжённость?»¹⁶

Полемика с Декартом, балансирующая на грани перебранки, заставила Гассенди уточнить самое понятие «философ», обратившись к его пифагорейскому истоку:

«...Если только слово “философ” применяется вместо слова “мудрец”, то я добровольно уступаю его тебе, который мудрствует столь самоуверенно; если бы этому имени не придавалось иного звучания, чем то, которое было желательно его создателю, который, дабы изобличить бахвальство других, сказал, что он не “мудрец”, но лишь “стремящийся к мудрости”, то не было бы причины тебе ревновать меня к мудрости, так как, даже если бы я ничего не разумел, я всё же лишь на основании своего страстного желания разуметь мог бы называться “стремящимся к мудрости”. Поэтому когда ты утверждаешь, что *я не говорю ничего такого, что выдавало бы философа*, то, может быть, в том смысле, который ты придаёшь этому слову, меня и невозможно им считать; но предлагать свои сомнения и страстно стремиться к познанию — это, по мнению других, возможно, и выдаёт философа»¹⁷.

Эта мысль о философии как соперничестве и о философе как о претенденте на мудрость, отличающемся от собственно мудреца, будет постоянно присутствовать во французской философии, стремящейся постигнуть себя. Уже в наше время её очень ясно сформулировал Ж. Делёз. Впрочем, об этом мы поговорим в своём месте. Перипатетики во всём слепо верили Аристотелю; Декарт, в противоположность им, ничего не предлагал принимать на веру, но всё обещал объяснить и доказать. Однако он сам, говорит Гассенди, подобно невежественным аристотеликам, требует от своих слушателей поверить ему на слово, и это вызывает особенное раздражение у Гассенди. Если самого себя Гассенди, таким образом, всё-таки считает философом, то Декарт, на его взгляд, выдаёт все замашки мудреца. Ведь он полагает, будто лишь ему одному противна ложь и только он один стремится к истине. Мудрецом его делает именно непоколебимая вера в свой пресловутый метод: «Конечно, ты именно потому выразил такое мнение о самом себе, что из этого твоего метода не может внезапно проглянуть ничего фальшивого, ничего неверного, так, словно ты произносил пророчества, в которых непозволительно сомневаться»¹⁸.

И вместе с тем, Декарт считает самую очевидность недостаточной, сомневаясь или делая вид, будто сомневается, что сидит в своём кресле и пишет. Гассенди считает этот знаменитый жест сомнения несуразницей и при творством: как может разумный человек усомниться в том, что известно каждому невежественному крестьянину, да и зачем, к тому же, заниматься фило-

¹⁶ Гассенди П. Метафизическое исследование, или Сомнения и новые возражения против метафизики Декарта // Сочинения. Т. 2. С. 482.

¹⁷ Там же. С. 505—506.

¹⁸ Там же. С. 506.

софией, если единственный её смысл состоит в том, чтобы доказать то, что все и так знают? Ведь, раз Декарт написал то, что мы теперь читаем, он явно при этом бодрствовал. Попытаться доказывать этот явный факт — значит злоупотреблять своим досугом: спящему от этого пользы никакой, а бодрствующему это не придаст уверенности в том, что он бодрствует.

И зачем вообще искать основания для доказательства того, что ты существуешь? Ведь это же ты сам мыслил, видел, писал, разговаривал, ел, пил и делал всё остальное. И ты мог сомневаться в том, что ты существуешь? И не было ли совершенно излишним столь напряжённо охотиться за доводами в пользу того, что ты существуешь? Если ты хотел поучить других, неужели ты думал, что кто-нибудь станет тебе возражать? И если уж кто-нибудь другой стал бы сомневаться в том, что он существует, и, не считаясь с вернейшей очевидностью этого факта, стал бы требовать, чтобы ему это логически доказали и привели основания, то разве ты сам не послал бы его как можно дальше, в самую Антикиру?¹⁹

Впрочем, критика с точки зрения здравого смысла не была бы столь действенной, если бы Декарт, опираясь в своём определении ума как мыслящей субстанции не на способность, а на действие, неизбежно носящее случайный характер, оказался уязвим для критики теоретического порядка. В этом отношении Гассенди предвосхищает самого Канта. Выводы Декарта, считает он, порочны, потому что он аргументирует от идеального состояния к реальному, от интенционального способа существования в себе — к реальному способу существования в себе, т. е. к существованию вещей вне познающего их ума.

Столь резкая критика Гассенди стала реакцией на ответ Декарта, в свою очередь, порождённый первой порцией гассендиевых возражений. Ведь Декарт заявил, что его учёнейший оппонент «воспользовался не столько философскими аргументами для опровержения моих мнений, сколько некими ораторскими приёмами с целью их высмеять», чему он, Декарт, даже рад, поскольку это показывает исчерпанность философских контраргументов. Декарт отвечал с язвительностью, которая не могла не задеть Гассенди: «...Я считаю, что ты принял здесь решение напомнить мне, с помощью каких средств могут высмеять мои доводы те, чьи умы настолько погрязли в чувственных ощущениях, что им совершенно чужды метафизические мысли...»²⁰ Да, Гассенди порой и впрямь выступает как «человек плоти», но он этого отнюдь не стыдится, а старается ни в коем случае не забывать о том, что он представляет собой не чистый ум, а существо из плоти и крови. Конечно, Декарт вполне резонно возражал, что этого одного ещё недостаточно ни для опровержения какой-либо философии, ни для утверждения своей собственной²¹.

¹⁹ Там же. С. 534.

²⁰ Декарт Р. Сочинения. Т. 2. С. 273.

²¹ «Если бы ты располагал какими-то доказательствами бытия материальных вещей, ты, несомненно, привёл бы их здесь. Но поскольку ты спрашиваешь лишь, *не сомневается ли мой ум в том, что на свете существует ещё что-то помимо него*, и воображаешь, будто для решения этого вопроса нет нужды требовать аргументов, апеллируя, таким образом, только к предвзятым мнениям, ты гораздо яснее показываешь, что никак не можешь обосновать своё утверждение, чем если бы ты просто промолчал» (там же. С. 286).

Чувственное восприятие достоверно, утверждает Гассенди. Излагая эпикурову философию, которую он, за малыми исключениями, считал совпадающей со своей собственной, он начал с «канона»: «Чувство никогда не обманывает, из чего следует, что всякое ощущение и всякое восприятие представления или явления истинно»²². Гассенди (который говорит здесь от лица Эпикура) основывается на том, что чувство не рассуждает, ничего не удерживает в памяти, а порождается не само собой, а чем-то другим. Поэтому, если ум может заблуждаться, чувственное восприятие не бывает ложным. Даже видения сумасшедших следует признать истинными, поскольку существует некая «естественная необходимость», в силу которой они не могут не возникать, когда воспринятые умом или воображением образы вещей приходят в движение.

Гассенди отверг картезианские претензии индивидуального разума на непогрешимость, отстаивая вневременной характер философских проблем и необходимость обращения к исторически существовавшим моделям их решения. Он первым среди блестящей и длинной череды французских философов заявил о приоритете историко-философских штудий, без которых немислима никакая философия и которые одни только позволяют философии сознавать собственную современность.

Декарт не стал отвечать на вторую серию возражений Гассенди и заявил, что опроверг их в нескольких словах в «Принципах философии». Но, как Гассенди ни искал эти несколько слов, поиски его не увенчались успехом. Сезар д'Эстре пригласил на обед обоих философов, и, поскольку Гассенди в тот день оказался болен, все гости, покончив с трапезой, отправились к нему домой, и здесь произошло примирение: Декарт и Гассенди заключили друг друга в объятия.

И их спор, и последовавшее примирение были отнюдь не случайны. Философская установка Гассенди резко отличалась от декартовской. Б. Рошо очень точно заметил: «О Декарте однажды сказали, что его система — это “роман”; Гассенди не был любителем романов. Он предпочитал им историю во всех смыслах этого слова. Это эрудит, профессиональный учёный, но не педант; это книжник, помноженный на экспериментатора. К тому же, он не любит математические абстракции, считая их такой же выдумкой, как романы. Конкретный факт, подлинный текст — вот его сфера»²³. Гассенди — не размышляющий на досуге помещик вроде Монтеня, стремящийся подражать в здравомыслии своим крестьянам. Хотя сам он происходил из семьи земледельцев, он был человеком книжной культуры, наследником итальянского Возрождения (недаром он итальянизировал свою фамилию). Но при этом Гассенди всегда сохранял связь с чувственными данными, с наблюдением и экспериментом. Хотя Декарт не был чужд всего этого, разрыв между ними очевиден. «...Каким бы странным это ни показалось, — замечал А. Койре, — и как бы то ни было, этот упорный противник Аристотеля, этот решительный сторонник

²² Гассенди П. Свод философии Эпикура // Сочинения. Т. 1. С. 118.

²³ Rochot B. La vie, la caractire et la formation intellectuelle // Pierre Gassendi. 1592–1655. Sa vie et son œuvre. Ouvrage publié avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. P. : Albin Michel, 1955. P. 16.

Галилея, остаётся чуждым духу науки Нового времени, а именно оживляющему её духу математизации»²⁴.

В наши дни наука Нового времени ассоциируется прежде всего с именем Декарта, тогда как Гассенди упоминается в лучшем случае как его оппонент. Однако такое положение дел вовсе не отражает ни расстановки сил в XVII в., ни, соответственно, степени влияния каждого из философов на становление современного научного знания. Тот же А. Койре, которого мы только что цитировали, говорил, что «наука Нового времени — это реванш Платона, и этот победоносный реванш Платон взял не в одиночку. Это альянс — альянс, конечно, противоестественный, однако история видывала и не такие, — Платона с Демокритом, разрушивший империю Аристотеля, а демокритовскую онтологию — пустота, атомы — подарил XVII веку и бросил в бой против Стагирита не кто иной, как Гассенди»²⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гассенди, П.* Сочинения. В 2 т. — М. : Мысль, 1966.
2. *Гоббс, Т.* Сочинения. В 2 т. — М. : Мысль, 1989.
3. *Данте, Алигьери.* Божественная комедия / пер. М. Лозинского. — М. : Наука, 1967.
4. *Декарт, Р.* Сочинения. В 2 т. — М. : Мысль, 1989.
5. *Koyré, A.* Le savant // Pierre Gassendi. 1592–1655. Sa vie et son œuvre. Ouvrage publié avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. — P. : Albin Michel, 1955.
6. *LoLordo, A.* Pierre Gassendi and the Birth of Early Modern Philosophy. — N.Y. : Cambridge University Press, 2007.
7. *Lynn Sumida Joy.* Gassendi The Atomist. Advocate of History in an Age of Science. — N.Y. : Cambridge University Press, 1987.
8. *Rochot, B.* La vie, la caractere et la formation intellectuelle // Pierre Gassendi. 1592–1655. Sa vie et son œuvre. Ouvrage publié avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. — P. : Albin Michel, 1955.

²⁴ *Koyré A.* Le savant // Pierre Gassendi. 1592—1655. Sa vie et son œuvre. P. 60—61.

²⁵ *Ibid.* P. 62.